

выявить смысл не только с помощью определения, но и посредством соотнесения слова с другими понятиями и их группами); 5) узкоотраслевой, т.е. охватывающий термины специальной области знаний, в данном случае – экологические термины гражданской авиации.

Литература

1. Борисова Л.Т. О системном подходе к представлению терминологии в отраслевом словаре // Теория и практика научно-технической лексикографии и перевода. Горький : Горьк. ун-т, 1990. С. 23–31.

2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008.

3. Караулов Ю.Н. [и др.]. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. М., 1982.

4. Hartmann R.R.K. Lexicography. Critical concepts. L.: N.Y., 2004.

5. Using Dictionaries: Studies of Dictionary Use by Language Learners and Translators// Lexicographica / ed. B.T. Sue Atkins. Tubingen, 1998.

* * *

1. Borisova L.T. O sistemnom podhode k predstavleniyu terminologii v otraslevom slovare // Teoriya i praktika nauchno-tehnicheskoy leksikografii i perevoda. Gorkiy : Gork. un-t, 1990. S. 23–31.

2. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie : ucheb. posobie dlya stud. vyissh. ucheb. zavedeniy. M. : Akademiya, 2008.

3. Karaulov Yu.N. [i dr.]. Analiz metayazyika slovarya s pomoschyu EVM. M., 1982.

4. Hartmann R.R.K. Lexicography. Critical concepts. L.: N.Y., 2004.

5. Using Dictionaries: Studies of Dictionary Use by Language Learners and Translators// Lexicographica / ed. B.T. Sue Atkins. Tubingen, 1998.

Determination of typological parameters of special dictionaries in terminographic modeling

There is described the process of detection of typological parameters of special dictionaries that presupposes determination of its reader's address and basic characteristics. The parametrical analysis of the dictionaries of the considered subject sphere indicates the drawbacks of lexicographic products of the knowledge sphere and helps to determine the ideal typological parameters of the modeled dictionary.

Key words: *reader's address, typological parameter, user's perspective, parametrical analysis.*

(Статья поступила в редакцию 10.01.2014)

М.В. КАМЕНСКИЙ

(Ставрополь)

ДИСКУРСНЫЕ МАРКЕРЫ КАК КОГНИТИВНЫЕ СРЕДСТВА ВВОДА НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Подводятся итоги исследования когнитивных возможностей дискурсных маркеров с позиции актуализации и обеспечения корректности интерпретации высказываний, вводящих новые когнитивные представления в контекст дискурсивного взаимодействия. Верификация результатов исследования проведена на аутентичном англоязычном корпусном материале с применением авторского метода автоматизированной обработки текста.

Ключевые слова: *дискурс, дискурсные маркеры, когнитивный потенциал, когнитивные операторы, статистический анализ, автоматизированный анализ.*

Дискурсные маркеры являются неотъемлемыми компонентами дискурсивного взаимодействия коммуникантов и играют важную роль «формальных экспликаторов когнитивных связей в структуре дискурса» [2, с. 51]. В настоящее время существуют различные подходы к изучению дискурсных маркеров в рамках различных теоретических парадигм, допускающих исследование с различных точек зрения.

Так, в рамках теории дискурса Д. Шиффрин называет дискурсными маркерами «секвенциально зависимые частицы, которые обрамляют единицы речи» [10, с. 31]. К ним относятся «лингвистические, паралингвистические или невербальные элементы, которые сигнализируют об отношениях между единицами речи посредством своих синтаксических и семантических свойств и через секвенциальные отношения как инициальные и терминальные рамки, разграничивающие дискурсные единицы» [Там же, с. 40]. В свете лингвистической теории Г. Редкер под дискурсными маркерами понимает «слова или фразы, которые произносятся с первичной функцией привлечения внимания слушающего к определенному типу связи произносимого высказывания с актуализируемым контекстом высказывания» [9, с. 1168]. В исследованиях Д. Блейкмор в традициях теории релевантности дискурсные маркеры определяются как выражения, которые «налагают ограничения на релевантность посредством инференциальных связей, которые они выражают» [5, с. 141].

В русле теории аргументации Ж.-К. Анскомбре и О. Дюкро идентифицируют дис-

курсные маркеры как индикаторы аргументации, поддерживающие узнавание аргументации в тексте, «нагруженные» топиком или «отмеченные точкой зрения», предшествующие изложению первичной точки зрения или следующие за аргументом [4, с. 297]. По мнению О.Б. Сиротининой, критериями отнесения слов к дискурсным маркерам являются употребление их в иной функции, чем в письменной речи, и количество употреблений в речи [3, с. 71]. В настоящем исследовании дискурсные маркеры рассматриваются нами как знаковые заместители знания, входящие в языковую способность коммуникантов и составляющие существенный момент в ее использовании.

Итак, дискурсные маркеры полифункциональны и выполняют различные функции в контексте организации речи говорящих, в том числе фокуса информации, выявляя на поверхностном уровне новизну и предсказуемость получаемой информации, накладывая прагматические ограничения на выбор слушающим интерпретации сообщения, выдвигая на передний план актуальную информацию и проводя семантическое «загружение» информации в целом [1, с. 23]. Рассмотрим данное утверждение с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию дискурсных маркеров.

Говоря о когнитивных аспектах дискурсных маркеров как языковых единиц, имеющих статус слова, необходимо рассматривать различные типы информации, выраженные в пределах данных слов, и те новые знания о мире, которые они несут, во-первых, для фиксации и закрепления знаний и, во-вторых, для передачи этого знания в процессе дискурсивной деятельности.

Следовательно, дискурсные маркеры могут быть подвергнуты исследованию как с узкокогнитивной точки зрения (с позиции того, какие структуры знания отражаются семантической структурой дискурсного маркера или могут найти в ней отражение), так и с более широкой, когнитивно-дискурсивной точки зрения, учитывающей особенности языковой формы как удобного средства и орудия дискурса, удовлетворяющего его требованиям.

В целях определения когнитивного потенциала дискурсных маркеров как средств ввода новой информации в проведенном исследовании может быть использована построенная нами когнитивно-функциональная модель, объединяющая лексические единицы и их сочетания, характеризующиеся особым дискурсивным статусом. Данный статус проявляется в функционировании данных языковых единиц в качестве дискурсных маркеров, оказывающих определенное влияние на разверты-

вание дискурсивного взаимодействия на когнитивном уровне, т.е. на уровне восприятия информации реципиентом. Каждая дискретная единица построенной модели представляет собой функциональный слот, включающий определенный набор дискурсивных маркеров.

Каждому функциональному слоту сопоставлен следующий набор характеристик, описывающих входящие в него дискурсивные маркеры с позиции их лингвистического статуса в языковой системе и когнитивно-функционального потенциала в дискурсе: лингвистический статус (лексическая / грамматическая принадлежность) – характеристика, отражающая лексическую и грамматическую принадлежность дискурсивного маркера; дискурсивная функция – функция дискурсивных маркеров как синтаксических или прагматических элементов дискурсивного взаимодействия; иллокутивный потенциал – набор функционально вспомогательных иллокуций, реализуемых посредством данного дискурсивного маркера для достижения коммуникативной цели высказывания; когнитивная нагрузка – когнитивная интерпретация маркированной внешней цели действия, определяемая данным дискурсивным маркером.

Данная лингвистическая модель выполнена на основе разработанной нами двухуровневой классификации дискурсивных маркеров. Так, на верхнем уровне обобщения дискурсивные маркеры сгруппированы по характеру их воздействия на когнитивные представления коммуникантов в ходе дискурсивного взаимодействия, на последующем уровне – по функциональным слотам, соотносящимся с набором характеризующих их параметров модели. В качестве примера рассмотрим функциональный слот, содержащий дискурсивный маркер *like*.

Дискурсивный маркер *like* по лексической принадлежности относится к десемантизированным лексемам, по грамматической принадлежности – к деграмматизированным лексическим единицам, не вступающим в синтаксическую связь с иными членами предложения. Данный дискурсивный маркер выполняет дискурсивную функцию информационного фокуса матричного высказывания.

Иллокутивный потенциал данного дискурсивного маркера состоит в том, что он а) направляет внимание на лингвистический и нелингвистический контексты, привлекаемые коммуникантом для понимания сообщения; управляет интерпретацией высказывания слушающим; акцентирует внимание на той или иной части высказывания; б) выделяет наиболее значимую или в) новую информацию в

высказывании; предваряет неожиданное, необычное описание [11, с. 241] какого-либо явления, события и т.п., г) создающее юмористический эффект или д) содержащее какой-либо стилистический прием (чаще всего гиперболу).

Когнитивная нагрузка дискурсного маркера *like* заключается, в зависимости от особенностей определенного контекста употребления, в создании состояния эмоционального напряжения реципиента и эмоционального настроения; предельной актуализации умственных способностей реципиента с целью обнаружения сути наиболее значимой или новой информации; актуализации процесса обдумывания и вынесения ментального заключения о необычности описываемого явления или события. Например:

а) *So, first they say "hello", then they give you a flower, and then they like try to kiss you* (из разг. речи). – Итак, сначала они здороваются, потом дарят цветы, а потом они, *знаешь*, пытаются тебя поцеловать;

б) *And it was incredible to me, the things that he went through <...> with discovering, like, all the uses for soy* [8]. – Для меня было удивительно, сколько он сделал для исследования *<like – десемантизированный дискурсный маркер>* всевозможных способов использования сои;

в) *Please, make a copy of these documents. I'll need them on like a really good quality paper* (из разг. речи). – Пожалуйста, скопируйте эти документы. Мне они нужны *именно* на бумаге отличного качества;

г) Слушая местную радиостанцию, спонсирующую вечер в кегельбане, студент сказал, что отличным поводом пригласить девушку на встречу может быть такой: *The guy could use the line, "Hey, can we like bowl with you?"* [11, с. 241]. – Молодой человек может сказать: «Эй, *может*, сходим в боулинг?»;

д) *If I double space this thing it's gonna be like a million pages long!* [6]. – Если я сделаю в этом тексте двойной интервал, *знаешь*, он будет размером в миллион страниц.

Верификация построенной когнитивно-функциональной модели дискурсных маркеров проведена нами на аутентичном англоязычном корпусном материале, основанном на размещенных в свободном доступе в сети Интернет открытых электронных корпусах текстов. Мы также использовали транскрипты фрагментов устной и письменной разговорной речи носителей английского языка, полученные методом прямого наблюдения.

Суммарная репрезентативность корпусного материала, обработанного методом автома-

тизированного анализа с применением авторского программного продукта «Когнитивно-функциональный анализатор дискурсных маркеров», составляет свыше 14,5 млн словоупотреблений в четырех выделенных в рамках исследованных корпусов типов дискурса, а именно: в разговорном, научном, официально-деловом и публицистическом дискурсах. Таким образом, исследованный материал характеризуется статистически значимым распределением контекстов употребления лексических единиц по различным типам дискурса и отражает современное состояние английского языка в 1990–2013 гг.

Проведенное корпусное исследование дискурсных маркеров показало, что, независимо от конкретного типа дискурса, наиболее частотными являются дискурсные маркеры, когнитивное воздействие которых связано с усилением, уточнением и поддержанием существующих когнитивных представлений о контексте дискурса (первая классификационная группа), а также с введением новых когнитивных представлений (третья классификационная группа). Наименее представленной по сравнению с двумя другими группами является группа дискурсных маркеров, вводящих информацию, контрастирующую с существующими когнитивными представлениями о контексте дискурса или отменяющую их (вторая классификационная группа).

Рассмотрим подробнее дискурсные маркеры, когнитивное воздействие которых связано с введением новых когнитивных представлений о контексте дискурса. Исследованные языковые единицы в количестве 42 дискурсных маркеров сгруппированы нами в 29 функциональных слотов согласно их когнитивно-дискурсивным параметрам.

Приведем статистически наиболее представленные в подвергнутом анализу корпусе дискурсные маркеры и их основные словарные значения: *because* (поскольку), *since* (с), *like* (подобный), *oh* (о!), *you see* (понимаешь), *moreover* (более того), *furthermore* (кроме того). Из данного перечисления видно, что дискурсные маркеры представляют собой лексически и грамматически разнородные языковые единицы, общими свойствами которых являются их неполнозначность и способность приобретать когнитивно нагруженную дискурсивную функцию ввода новой информации в контекст коммуникативного взаимодействия. Например:

а) *The NYPD experienced comparatively fewer internal command and control and communi-*

cations issues. Because the department has a history of mobilizing thousands of officers for major events requiring crowd control, its technical radio capability and major incident protocols were more easily adapted to an incident of the magnitude of 9/11 [8]. – В полицейском департаменте Нью-Йорка было сравнительно меньше проблем с управлением, контролем и связью. Поскольку департамент известен привлечением тысяч полицейских при проведении массовых мероприятий, то их техническую оснащенность средствами связи и протоколы крупных происшествий было легче адаптировать к происшествию такого масштаба, как трагедия 11 сентября;

б) *It was since 1967 when he was commander in chief, I was in Israel during the <...> Six-Day War, and I saw him [7].* – Это началось с 1967 года, когда он был главнокомандующим. Я был в Израиле во время Шестидневной войны и видел его;

в) *You can't go into it and be like, "Oh! I'm going to be a big movie star one day!" [8].* – Ты не можешь просто войти и сказать <like – десемантизированный дискурсивный маркер>: «О! Однажды я стану известной кинозвездой!»;

г) *I'll take... oh, I guess, thirty of them [8].* – Я возьму... ну, пожалуй, штук тридцать;

д) *This technique is used in harpsichord music, too – you see, unlike the piano, the harpsichord plays at one volume, so in order to accentuate certain notes, the keyboardist takes a very slight pause before hitting the key [8].* – Эта техника также применяется в музыке, написанной для клавесина. Понимаете, в отличие от пианино, у клавесина один уровень громкости звучания, поэтому, чтобы подчеркнуть нужные ноты, музыкант делает короткую паузу перед нажатием на клавишу;

е) *Futures for Children relies on the generosity of individuals like you; by board policy, we do not accept government or United Way funds. Furthermore, approximately 75% of our total income is expended directly on program activities. Because of this and other factors, Futures has earned an "A" rating from the American Institute of Philanthropy, as well as the highest rating of the National Charities Information Bureau (NCIB) (Из делового письма) [Там же].* – Благотворительный фонд «Будущее для детей» зависит от щедрости отдельных людей, таких как Вы. Согласно политике нашего фонда, мы не получаем ни государственного финансирования, ни финансирования из фонда «Дорога вместе». Кроме того, приблизительно 75% всех наших доходов затрачивается непосред-

ственно на ведение программной деятельности. Эти и другие факторы позволили нашему фонду получить самый высокий рейтинг как от Американского института благотворительности, так и от Национального бюро информации о благотворительных фондах;

ж) *"Old" is not a legal classification that results in automatic loss of <...> rights [to control one's own health care]. Moreover, having an old parent does not automatically confer on children the right to make the parents' health care choices [Там же].* – Понятие «старый» не является юридической формулировкой, приводящей к автоматической потере прав человека [самостоятельно решать вопросы медицинского обслуживания]. Более того, наличие старого родителя не дает само по себе права детям принимать за него решения по медицинскому обслуживанию.

Проведенное исследование показало, что распределение функциональных слотов данных дискурсивных маркеров варьируется в зависимости от типа дискурса. В частности, функциональные слоты, наиболее представленные в разговорном дискурсе, имеют ряд существенных особенностей по сравнению с наиболее представленными функциональными слотами в институциональных типах дискурса. Так, в разговорном типе дискурса на долю дискурсивных маркеров, когнитивное воздействие которых связано с введением новых когнитивных представлений в дискурсивном взаимодействии, приходится только 17,74%, тогда как их общая доля в институциональных типах дискурса составляет в среднем 41,38% от общего числа исследованных языковых единиц данного типа и, в частности, 40,99% в научном дискурсе, 41,50% – в официально-деловом и 41,66% – в публицистическом.

Дискурсивные маркеры, вводящие новую информацию в процессе коммуникативного взаимодействия, выполняют ряд сопутствующих дискурсивных функций, реализация которых также варьируется в зависимости от типа дискурса.

Из числа дискурсивных маркеров, отвечающих за ввод новых когнитивных представлений о контексте дискурса, в разговорном дискурсе наиболее представлены дискурсивные маркеры, акцентирующие внимание реципиента на вводимой новой информации (*because, since* – 35,82%; *like* – 0,35%), указывающие на неточность приводимой информации (*like, oh*) (28,30%), обеспечивающие интерпретацию вводимого интенционального посыла говорящим путем ментального привлечения инфор-

мации из внутреннего и внешнего контекстов (*you see*) (16,15%).

Из исследуемых функциональных слотов в институциональных типах дискурса наиболее представлены функциональные слоты, когнитивное воздействие дискурсных маркеров в которых ориентировано на обеспечение интерпретации интенционального посыла говорящего в высказывании (*you see, moreover, furthermore* и др.): 43,49% – в научном дискурсе, 48,59% – в официально-деловом, 48,63% – в публицистическом; наложение ограничений на инференциальные компьютерации слушающего, производимые с целью доступа к воздействию пропозиции, – 32,65% в научном дискурсе, 29,21% – в официально-деловом дискурсе, 31,02% – в публицистическом. В значительно меньшей степени по отношению к разговорному дискурсу, но, тем не менее, статистически значимо представлены дискурсные маркеры, акцентирующие внимание реципиента на вводимой новой информации (*because, since*): 8,44% в научном дискурсе, 7,83% – в официально-деловом, 8,03% – в публицистическом.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что построенная когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров является адекватным отражением их потенциала как когнитивных операторов ввода новой информации в процесс коммуникативного взаимодействия. Проведенное исследование показало, что к дискурсным маркерам ввода новой информации относятся лингвистически разнородные языковые единицы и их сочетания, характеризующиеся неполнозначностью и сниженной ролью словарно закрепленной семантики. Анализ корпусного материала в соответствии с параметрами разработанной модели позволил установить, что использованию дискурсных маркеров с целью ввода новой информации подвержены как разговорный, так и различные институциональные типы дискурса. Частотность дискурсных маркеров, вводящих новые когнитивные представления в дискурсивном взаимодействии, варьируется в зависимости от типа дискурса. Так, в институциональных типах дискурса более широко представлены дискурсные маркеры, сопутствующая дискурсивная функция которых состоит в обеспечении возможности правильно интерпретировать высказывание, тогда как в разговорном типе дискурса преобладают дискурсные маркеры фокусного типа, управляющие вниманием реципиента и выявляющие эмоциональную составляющую в высказывании.

Литература

1. Правикова Л.В. Дискурсные маркеры: современное состояние проблемы // Вестн. ПГЛУ. 2000. № 4.
2. Правикова Л.В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы. Пятигорск: ПГЛУ, 2004.
3. Сиротинина О.Б. Современная русская разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974.
4. Anscombe J.-C., Ducrot O. L' argumentation dans la langue. Bruxelles: Magdada, 1983.
5. Blakemore D. Linguistic constraints on pragmatic interpretation: A reassessment of linguistic semantics // Behavioral and Brain Sciences. 1987. V. 10.
6. Malatesta D. Like in Conversational Discourse: A Valuable Device. URL : <http://www.i-repository.net/contents/asia-u/11300072.pdf> (дата обращения: 13.10.2013).
7. Corpus of Contemporary American English. URL : <http://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения: 12.10.2013).
8. Open American National Corpus. URL: <http://americannationalcorpus.org/OANC/index.html> (дата обращения: 12.10.2013).
9. Redeker G. Linguistic markers of discourse structure // Linguistics. 1991. V. 29.
10. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
11. Underhill R. Like, is like, focus // American Speech: A Quarterly of Linguistics Usage. 1988. V. 63.

* * *

1. Pravikova L.V. Diskursnyie markeryi: sovremennoe sostoyanie problemy // Vestn. PGLU. 2000. № 4.
2. Pravikova L.V. Sovremennaya teoriya diskursa: kognitivno-freymovyy i argumentativnyiy podhodyi. Pyatigorsk: PGLU, 2004.
3. Sirotinina O.B. Sovremennaya russkaya razgovornaya rech i ee osobennosti. M.: Prosveschenie, 1974.
4. Anscombe J.-C., Ducrot O. L' argumentation dans la langue. Bruxelles: Magdada, 1983.
5. Blakemore D. Linguistic constraints on pragmatic interpretation: A reassessment of linguistic semantics // Behavioral and Brain Sciences. 1987. V. 10.
6. Malatesta D. Like in Conversational Discourse: A Valuable Device. URL : <http://www.i-repository.net/contents/asia-u/11300072.pdf> (дата obrascheniya: 13.10.2013).
7. Corpus of Contemporary American English. URL : <http://corpus.byu.edu/coca> (дата obrascheniya: 12.10.2013).
8. Open American National Corpus. URL: <http://americannationalcorpus.org/OANC/index.html> (дата obrascheniya: 12.10.2013).
9. Redeker G. Linguistic markers of discourse structure // Linguistics. 1991. V. 29.

10. Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

11. Underhill R. Like, is like, focus // *American Speech: A Quarterly of Linguistics Usage*. 1988. V. 63.

Discourse markers as cognitive means of introduction of the new information

There are resumed the research results regarding the cognitive potential of discourse markers from the position of actualization and providing the correct interpretation of expressions that introduce new cognitive conceptions in the context of discursive correlation. The verification of the research results is carried out based on the authentic English language material with the use of the author's method of automated text processing.

Key words: discourse, discourse markers, cognitive potential, cognitive operators, statistic analysis, automated analysis.

(Статья поступила в редакцию 18.12.2013)

М.В. ПАРШИНА
(Астрахань)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЦЕНКИ В АНЕКДОТЕ

Описывается репрезентация слов с оценочным компонентом на материале анекдотов, опубликованных в региональной прессе XIX–XX вв. Особое внимание уделяется дискуссионной проблеме взаимодействия оценочного и эмотивного компонентов в пределах одной номинации.

Ключевые слова: языковая категория, оценка, эмотивность, анекдот, языковые средства.

Процесс оценивания сопровождает многие явления в жизни человека, и поскольку оно определяет особенности взаимодействия человека с окружающим миром, то его итогом является ценностный фрагмент картины мира. Теоретические вопросы, связанные с природой, структурой оценки, средствами ее выражения и ее отношениями со смежны-

ми с ней явлениями эмотивности, экспрессивности, интенсивности, модальности, аффективности, образности, были рассмотрены такими учеными-лингвистами, как Е.М. Вольф (1985), Н.Д. Арутюнова (1988), В.Н. Телия (1986), Т.В. Маркелова (1996), Т.А. Трипольская (1999) и др.

Несмотря на довольно широкую изученность рассматриваемой категории, существует множество спорных или открытых вопросов. К таким можно отнести проблему определения границ оценочной семантики. В работе описана категория оценки со смежным явлением эмотивности, а также рассмотрены на материале анекдотов частные случаи репрезентации лингвистических и экстралингвистических факторов.

Информативная способность текста в процессе реализации коммуникативной функции и процесс понимания читателем концептуально структурированной информации обеспечивают «приток информации в авторскую систему смысла, существование которой в культурной и языковой среде определяется способностью концептуальных структур как ее элементов в самоорганизации» [4, с. 84]. Оценочные смыслы позволяют говорящему выразить отношение к любому жизненному факту, событию, лицу и характеризуют самого говорящего, что является «важнейшим средством выражения доминанты» речевого воздействия в сфере массовой коммуникации в целом [2, с. 192]. Таким образом, категорию оценки можно определить как языковую категорию, выражающую отношение говорящего к объекту действительности в зависимости от того, насколько удовлетворены его потребности, желания, интересы и цели [5].

Основным наполнением понятия оценки являются субъект и объект оценки, а также характер оценки. Субъект оценки – это лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка. Объект – это лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка. Характер оценки может быть положительным или отрицательным, эмоциональным или рациональным, общеоценочным или частнооценочным. Проблема выделения самостоятельного оценочного компонента определяет трудность его описания и отграничения от других категорий. В частности, наиболее актуальным вопросом является разграничение оценки и эмоциональности или эмотивности в языке. Самоорганизация оценочного смыс-